

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Л.В. СКВОРЦОВ,
д-р. филос. наук, проф., зам. директора ИНИОН РАН

МОЛОДОЙ УЧЕНЫЙ: ПЕРЕД ПРОБЛЕМОЙ СВОБОДЫ САМОФОРМИРОВАНИЯ

Современный молодой ученый прошел большую школу адаптации к реформам в системе образования. Процесс реформирования, нацеленный на улучшение, несет нередко и определенные негативные последствия. Они, прежде всего, касаются *содержания* обучения. Эта проблема постоянно находится в центре внимания государства и общественности, в том числе и академического сообщества.

Но несмотря на все возникающие проблемы можно определенно утверждать, что общество имеет систему образования, которая дает учащемуся *знания* – общие и профессиональные. Он получает также навыки решения *практических* задач – производственных, экономических, социальных, идеологических. Это то же *самое*, что уже было и раньше.

Но произошло одно существенное изменение. Была провозглашена универсальная свобода, в том числе и свобода самоформирования человеком себя в качестве личности. Но каковы правильные ориентиры такого свободного самоформирования? Имеем ли мы ответ на этот вопрос?

В советское время личность формировалась *системой*, имеющей свои *ступени* – октябрята, пионеры, комсомольцы, коммунисты – это ступени формирования личности по определенным правилам и уставам.

Теперь таких общих правил нет, как *нет и общей системы формирования личности*.

Мы встречаемся с уникальной для нашего общества ситуацией, когда каждая личность теперь должна формировать себя сама. Это проблема всех, в том числе и молодых ученых.

Но имеем ли мы знания *продуктивной технологии свободного формирования личности*? Если да, то *в чем она состоит*?

Если такой общей технологии нет, то мы сталкиваемся с проблемой конфликта отцов и детей: они по-разному понимают принципы свободного самоформирования. Если *дети формируют себя сами*, а родители с ними *не согласны*, то возникает ситуация *любви и ненависти* – подчас с ужасными последствиями.

Если общих правил самоформирования нет ни у отцов, ни у детей, то они оказываются «пустыми» в своей свободе. И эту пустоту они начинают заполнять алкоголем и наркотиками. Таково следствие незнания условий правильного свободного выбора.

Но что это за условия?

Мир вступает в новую эпоху, которая рождает новые смыслы и требует осознанного прорыва к новым формам свободного самоформирования.

Можно ли стихийно подняться к этим новым формам без метаобразования?

Вот в чем вопрос. Очевидно, что в условиях свободы каждый плавает в океане жизни самостоятельно, так, как считает правильным.

Считалось, что каждый человек, поскольку он от природы обладает разумом, всегда и везде будет делать только разумный выбор. Что имеем в итоге? Массовая преступность, коррупция, проституция, наркомания. И это плоды *свободного выбора*? Неужели свободный разум дает такой потрясающий результат? На самом деле, разум, отсутствие продуктивной технологии самоформирования заменяют разные любительские суррогаты.

Технология свободного самоформирования – это и есть предмет метаобразования. Если взрослые люди *не владеют* технологией эффективного свободного самоформирования, то они вынуждены «подглядывать», как это делают *дети*. То есть они *вынуждены учиться у детей*. «*Взрослые дети*» – это феномен нашей жизни. Оказывается, обретение личной свободы не означает и об-

ретения эффективной технологии формирования себя в качестве *позитивной личности*, умеющей отвечать за себя, за свои поступки, за окружающих людей. В массе людей возникает лишь *ощущение* внутренней свободы, но нет адекватных внутренних ориентаций свободного поведения. Преодоление «пустоты свободы» встречается с *дихотомией* цивилизационной объективности и принудительной «логики» свободы субъективности.

Исторически «пустота свободы» заполняется *цивилизационной традицией*. Ее императивам и вынуждена подчиняться универсальная «логика субъективности». Считается, что человек – везде человек и поэтому его нравственные максимы должны быть универсальны, обязательны для всех и каждого. Но как может заполняться «пустота свободы» *универсальным* знанием технологии самоформирования, если *глобальная истина носит характер составной мозаики*. Это «род карты», напоминающей географическую карту Земли, фиксирующую и *сушу*-континенты и *океаны*. На этой «карте» схематически определяются и *цивилизационные регионы* со своими специфическими видениями субъект-объектной феноменологической реальности. Это – *исходное*. Если общественное сознание следует предлагаемой ему цивилизационной истине как истине *универсальной*, то оно будет отвергать иные цивилизационные представления как ложные и будет использовать все возможности, чтобы утвердить повсюду в мире *свою* цивилизационную истину.

Но в условиях *Интернета* на глобальную поверхность всплывают *разные* цивилизационные истины.

Но как возникает представление об универсальной цивилизационной истине? Что на этот счет говорит нам исторический опыт?

Универсальная цивилизационная истина утверждалась в конгломератах мощных империй. Так, *Александр Македонский* путем грандиозных завоеваний создал условия для возникновения единого *мира эллинистической культуры*. Рим также распространил основы своей культуры на огромной территории Средиземноморья.

Так что же, цивилизационная истина универсальна, она *одна* и она вытесняет *иную* культуру, основанную на не-истине?

Но странные явления истории: держава Александра Македонского распадается, а возникающие государства Селевкидов,

Птолемеев, Пергама, Понтийского царства начинают вновь обретать черты древневосточных *монархий*. Но разве греческий полис не был олицетворением *универсальной* цивилизационной истины?

Рим также утверждал единство своей цивилизационной парадигмы как безусловно истинной. Это проявилось, в частности, в безжалостном преследовании христиан.

Но разве римский император Константин Великий не стал *поддерживать христианство*, преследование которого стало постоянной чертой духовной политики римских императоров?

Что же получается? Выходит, цивилизационная истина обращается к своему антиподу. Признанная как *общая* истина, она на самом деле в своем силовом доминировании *субъективна* и в конечном итоге вынуждена признать свою противоположность. Так может ли человек, опираясь на традицию, сделать *однозначный выбор и считать его единственно истинным*? Философия, оказываясь перед парадоксами исторической жизни, уводит истину в мир метафизических абстракций. Так, под воздействием философии Платона истину стали выводить *за пределы* исторических реалий. Противоречия эмпирической истории можно было считать свидетельством *неистинности исторического мира*. Истину жизни следовало искать в иных, неисторических реалиях. Как обстоит дело сегодня? Глобальные субъекты сегодня оказываются перед тем же вопросом, перед которым стоял Рим: либо отречься от абсолютизма своей цивилизационной *истины*, либо идти *до конца*, быть готовым принести в жертву всех ради торжества *своей* цивилизационной истины. В глобальном смысле объективно *каждый человек* современного мира независимо от места своего обитания, своей культуры, этнической принадлежности оказывается *перед одной и той же проблемой истины выбора*. Это – проблема *этики*! Как *вести себя правильно*? Или следовать до конца логике своей цивилизационной установки, даже если в итоге погибнет человечество – *Fiat justitia pereat mundus*! Или же этика должна обеспечить *выживание* человечества? Если даже для этого нужно *отступить от абсолюта собственной духовной идентичности*? Этика *решает* эту проблему. Каким образом? Вспомните максимум христианства: *полюби врага своего как самого себя*! Разве это не решение проблемы спасения человечества от самоуничтожения? Но в этом случае *каждый* должен вести себя подобным образом. Кто же от-

вергает эту максиму? Это те самые люди, которые считают себя христианами, ходят в церковь и соблюдают ритуалы! Спасение определяется доминантной силой этики, которую чувствуют великие личности. Ее интуитивно почувствовал Константин Великий и признал, что *его могучие легионы не могут победить этическую максиму христианства*. Именно в отношении к этой максиме рушатся рациональные расчеты и кажущиеся бесспорными победоносные реляции.

Сохранение жизни определяет истинность смыслов во всех формах практической деятельности и многообразия образов жизни человека. Таким образом, проблема межкультурных соединений это не проблема традиционных или субъективных свободных предпочтений: это проблема *жизни*. Имеет ли какое-то отношение эта проблема к судьбе России? Можно сказать, что именно выбор цивилизационной несовместимости традиционно становится истоком российских социальных катастроф. Мы все это испытали на себе. Наша элита исторически *сама* формировала цивилизационную несовместимость. Достаточно прочитать великий роман Льва Толстого «Война и мир». На каком языке разговаривает российская цивилизационная элита? – *на французском!* Это ли не свободно выбранная цивилизационная путаница на территории собственной страны? И это – уже ответ на вопрос, *почему* в России полыхали принадлежащие элите великолепные *усадьбы* – эти образцы слияния природы и культуры! И это ли не *опыт постижения истины*? Истина в этом опыте постигается как жизнь взаимосвязанного цивилизационного целого. Казалось бы, жизнь складывается из суммы ситуаций. Однако – это *и определенное* целое. Что *такое целое жизни*? – без ответа на этот вопрос не проясняется и ее смысл. Эффективное решение суммы жизненных ситуаций не означает реализацию смысла жизни как целого. Ситуации *ведут* человека. Между тем человек овладевает истиной, когда *он сам ведет ситуации в соответствии с понятием смыслом жизни как целого*.

Человек научается понимать целое жизни на своем индивидуальном опыте. Через индивидуальное постигается универсальное. Здесь обнаруживается специфическая проблема цивилизационной универсальности – проблема построения человеком своей *личностной самости*.

Современный человек, определяя правильность технологии построения своей самости, обращается к историческому опыту и пытается *адаптировать* его к современной жизни.

Что из этого получается?

Автономное формирование самости в контексте жизни цивилизационного целого проявляется, как правило, в *трех основных формах*. Эти формы определяются принудительной логикой **внутренних предпочтений**.

Во-первых, это попытки опереться на опыт Античности, выработавшей механизмы формирования гармонии тела и духа, нашедшей свое выражение в систематическом проведении Олимпийских игр и в системе обучения юношества в *гимнасии*.

Сегодня этот опыт обретает свои крайние формы, такие как *бодибилдинг*. Мы наблюдаем активную **коммерциализацию спорта**, имеющую неоднозначные следствия: происходит своего рода **элиминация идеи гармонии тела и духа**, этой ключевой идеи античной культуры.

Во-вторых, предпринимаются попытки адаптировать к современной ситуации опыт средневекового **аскетизма**, который был средством реального нравственного самосовершенствования и высшего духовного *наслаждения*.

Сегодня аскетизм превратился в средство *похудения* как реализации современной *моды*. В итоге эта технология самоформирования влечет за собой различные заболевания, в том числе и *анорексию*, чреватую летальным исходом.

В-третьих, можно говорить о попытках адаптации философии *гедонизма* как способности утонченного наслаждения жизнью к современным жизненным обстоятельствам.

Современный гедонизм выливается в крайние формы **консюмеризма** – в приобретение сотен пар обуви, множества видов одежды, в приобретение различных дорогостоящих автомашин, в строительство многокомнатных апартаментов и даже замков в средневековом стиле. В этом проявляется очевидная вульгарность консюмеризма.

Таким образом, современный поворот к старым смыслам не всегда означает сохранение высоких ценностей духовной культуры. Современная эпоха требует прорыва к *новым смыслам* и *новым этическим практикам*. Это проблема овладения новым опытом

постижения цивилизационной истины не только отдельным индивидом, но и социальным субъектом.

Речь идет о переинтерпретации подлинности бытия в массовом сознании.

Активное и целеустремленное формирование самости глобального субъекта диктуется масштабом невиданных ранее энергетических, экономических, демографических, продовольственных проблем. Ситуация нарастающего глобального кризиса требует качественно нового типа ориентаций и поведения.

Вместе с тем должно произойти **рождение нового типа глобального субъекта**. Выход из нарастающего глобального кризиса не может быть найден субъектом с приоритетом геополитической ориентации, со ставкой на превосходство военной силы.

Подход к решению назревающих проблем может найти лишь глобальный субъект, который открывает себя как *МАСТЕРА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ*.

Если такой глобальный субъект не возникает, то человечество во вступит в эпоху **перманентной деструктивности**.

Можно сказать, что явление Мастера культуры как глобального субъекта будет стимулировать *развитие метаобразования*, основанного на новом драматическом опыте истины жизни.

Метаобразование – это **символат** информационной культуры, технология которого – объективированная реальность, созданная человеком и вместе с тем действующая независимо от отдельных индивидуальных устремлений и тех или иных личных качеств.

Если мы определяем **образование** как подготовку человека **к тем видам деятельности, которые необходимы обществу на данном этапе его развития, то метаобразование** выступает как формирование понимания человеком **своего места** как стража жизни, соответственно, своей **подлинной роли** в мире, в котором он живет. Это понимание и есть предпосылка изменения феноменальной цивилизационной реальности.

С этой точки зрения метаобразование оказывается **за пределами образования**. Вместе с тем эта отстраненная точка зрения метаобразования позволяет **оценивать** образование, его значимость, его **подлинность** для жизни.

Традиционно изменение оценок сложившейся системы образования определяется сменой **картины мира**.

Сложались два типа картины мира.

Религиозный, претендующий на абсолютную достоверность и требующий принятия мира **таким, каким он создан Творцом**.

Научный, допускающий, что человек, используя разум и средства эксперимента, выявляет такие свойства и законы мира, из которых и складывается этот мир, так что он в принципе может быть **познан до конца**, а значит, и **реконструирован в соответствии с теми целями, которые ставит человек**.

Опыт XX в. наглядно показал, что претензия на тотальную реконструкцию Природы затрагивает некий жизненный нерв бытия самого человека. Радикально изменяя Природу, **человек разрушает то место, в котором только и возможно его существование**. Человек разрушает некое **целое**, частью которого он является.

В этом контексте и происходит **смена миропонимания: картина мира дополняется картиной жизни**.

Для картины жизни в отличие от картины мира характерны два принципиальных момента: первое – стремление к получению знания об условиях сохранения жизни и реорганизации исторической практики в соответствии с этими знаниями; второе – рассмотрение перспективы действительности в **образах виртуальной реальности** и определение таким образом реальных последствий деятельности человека здесь и теперь, в данной исторической ситуации.

С этой точки зрения метаобразование следует определить как **овладение картиной жизни**. Метаобразование изменяет тип отношения к *Времени жизни*. С точки зрения позитивной науки геронтологии основной смысл и главная проблема жизни – это ее **длительность**. Жизнь удалась, если достигнута ее максимальная длительность.

Метаобразование позволяет в длительности жизни открывать смысл *мгновений*, которые имеют высшую ценность. «Остановись мгновение!» – говорит Фауст в трагедии Гёте, имея в виду достижение человеком высшей ценности, а значит, и познания и реализации Смысла жизни. Что составляет ценностные мгновения? – Это – мгновения *подвига*, мгновения *открытия*, мгновения *любви*.

Но может быть наполненной высшей ценностью длительность, если она совпадает с творчеством, несущим в себе *процесс*

достижения высшей цели. Конечная высшая цель – это сохранение *целого жизни*. И ради достижения этой цели возможна жертва, даже жертва индивидуальной жизни. В этом случае изменяется сущность смерти. Из явления, лишённого всякого смысла, она, как говорил известный теоретик буддизма, становится «зеркалом», отражающим истинный смысл жизни¹. Технологию такого отношения к сохранению целого жизни и открывает метаобразование.

С этой точки зрения метаобразование *исследует исторический опыт*.

Очевидно, например, что в этом отношении особое значение имеет опыт христианства, которое утверждает достижение бессмертия через *кенозис*, умирание богочеловека.

Смысл кенозиса – это изменение естественных (животных) инстинктов человека таким образом, чтобы доминантой его внутренних установок стали нравственные качества. В *итоге человеческая масса обретает софийность*, т.е. новое качество: Человек освобождается от своей субъективности как исходной и абсолютной предпосылки толкования истины и вместе с тем обретает блаженство приобщения к высшим этическим и эстетическим истинам.

Вместе с тем происходит превращение виртуального субъективного мира в реальность воплощенности вечных ценностей в практической жизни людей. И это предпосылка сохранения вечности цивилизационного мира, циклической повторяемости его воскресения; происходит отмирание мира корысти и насилия, который циклически, т.е. *постоянно* посылает на распятие высокую мораль.

Человек обретает способность говорить *истину*, если даже она кажется неприемлемой с точки зрения чьих-то конкретных частных интересов. *Истина и смелость идут рука об руку*: это – единство высказывания истины и образа жизни в соответствии с истиной. Это не только смелость говорить, но и смелость утверждать новый образ жизни. Так, например, если возникло понимание истинной роли велосипеда как средства передвижения в современном мегаполисе, то кто-то из вышестоящих должен пересесть из мерседеса с мигалкой на велосипед. Утверждение Ис-

¹ См.: *Согьял Ринпоче*. Тибетская книга жизни и смерти. – М., 2012. – С. 38.

тины – это и самоотречение, и в то же время ощущение блаженства подлинности свободы. В этом процессе происходит слияние аскетизма с гедонизмом как исходное в овладении индивидом технологией формирования самости в глобальном мире. Это – переворот духа, создающий культуру соединения локального и глобального, реального и виртуального, органического и неорганического, материального и идеального, жизни и смерти.

Современная элита общества призвана овладевать технологией глобального самоформирования, *создания собственной самости, соединяющей себя с другим* в силу возникающей тотальной и абсолютной взаимозависимости субъектов современного мира. Глобальный субъект как «мастер культуры» призван определять условия превращения высших духовных, эстетических и нравственных ценностей в *универсальную цель самореализации человека*.

Овладение картиной жизни предполагает способность отбора во всех видах практической деятельности и образов жизни тех, **которые соответствуют принципу гомеостата**, т.е. такой системы жизни, которая поддерживает свои основные характеристики в допустимых пределах.

Овладение картиной жизни предполагает адекватность ориентации, выявление и систематическое, организованное и отлаженное донесение до массового сознания тех требований, игнорирование которых ныне представляет все большую угрозу для сохранности жизни. Эти угрозы подчас столь же малозаметны, как и действие радиации на организм человека.

В известной степени здесь речь идет об определенном **изменении мотивов истинного поведения** как оно понимается сегодня. Речь идет о современном *искусстве жизни*, ее этической и эстетической технике, в которой находит свою подлинную сущность каждая личность. Это определяет и движение глобальной массы к общей цели культуры, в которой и заключается возможность сохранности жизни.

Традиционно сохранность жизни определялась безграничностью прогресса Техники. Теперь ситуация изменилась. Обнаружилось, что совершенство Техники может стать причиной *прекращения жизни*. В силу этого успехи физического знания, обеспечивающего прогресс техники, оказываются *недостаточным* условием сохранения жизни.

Мотивы истинного поведения сегодня имеют как **неосознанные**, так и осознанные предпосылки. **Неосознанная предпосылка** – это **авторитет ОНО** (или, как сказал бы Хайдеггер, – MAN). Это – комплекс общинности, требующий следовать **за роем**, социальный инстинкт которого не может обманывать: **масса всегда права**. **Осознанная предпосылка** основывается на способности личности **все** подвергать сомнению и критическому анализу, действовать лишь в соответствии с **собственным** разумением, преодолевать давление ОНО, если этого требует разум субъекта.

Овладение картиной жизни требует качественно иных ориентаций. Исходным здесь не может быть ни авторитет ОНО, ни субъективное видение истины.

Предпосылкой здесь является **знание**, которое дает метаобразование. Информационное общество реально требует массового поведения в соответствии с адекватным знанием и информацией. Однако здесь возникает немало сложных проблем. Развитие информационных технологий **ставит на поток создание инженерно-технических решений**, подлежащих практической реализации. С огромной скоростью возникают созданные человеком новые искусственные ареалы, конгломераты, автострады, аэродромы, предприятия, средства связи. Происходит резкое сокращение времени между идеей и ее практической реализацией. **Процесс развития приобретает взрывной характер**.

Постоянное обучение, необходимость постоянного усвоения новой информации превращает жизнь в путь, схожий с автострадой, где необходимо мгновенно реагировать на динамику ситуаций.

Жизнь тем самым превращается в калейдоскоп событий. Она утрачивает какое-то важное качество.

Превращение жизни в калейдоскоп событий лишает ее возможности следовать общему **смыслу**. *Исчезает почва жизненной стратегии.*

В этой ситуации фундаментальная цель метаобразования – возвращение смысла как основания жизненной стратегии, требующей выхода за пределы калейдоскопа событий, способности занять *позицию*, позволяющую *видеть* поток жизни в его целостности.

Но как это возможно?

Если объективное содержание жизни составляет калейдоскоп событий, то истина бытия сводится к *моментальным реакциям* на них. Однако события оказываются повторяющимися и образуют мир повседневных забот. Масса людей, погруженных в мир повседневных забот, следует бессознательной уверенности в том, что за его кругом нет иного смысла.

Повседневный тип ментальности проявляет себя и в *политической практике глобальных субъектов*. Для них приоритет – их *собственные интересы*, конечная истина которых – это *глобальное доминирование*. Это и есть та генеральная цель, которая рождает оксюморонные слоганы: «Мир – это война», «Война – это мир».

Считалось, что **иной смысл** постигается из знания неизбежного конца этого мира. Знание конца позволяет определить и выделить **подлинные ценности**, составляющие сущность смысла.

В светской идеологии конечная перспектива определялась концом истории, созданием наилучшего, насколько это возможно, общества. **Содействие или противодействие** рождению этого общества определяет **качество и смысл жизни**.

Коль скоро признается, что ни финальная перспектива мира, ни финальная перспектива истории не даны человеку как факт жизни, то и определение смысла через их определение оказывается субъективным, воображаемым. Конечный смысл таким образом исчезает. Замена конечного смысла схематизмом ситуационного бытия как раз и отражает эту экзистенциальную ситуацию.

Но это не снимает проблему возврата конечного смысла.

Истина конечного смысла не совпадает с тем, что есть, с эмпирической реальностью как подлинной объективностью. Но она не совпадает и с принудительной субъективностью, с «логикой» желания, его реализации здесь и теперь.

Она открывается в представлении «**картины жизни**» в ее подлинности как формы слияния действительности и рождающейся из нее возможности. Познание сущности конечного смысла требует специфической гносеологии, гносеологии *цельного знания*.

Неопределенность возможности подталкивает к тому, чтобы признать правомерность пробы **всех возможных вариантов практических решений и действий**. Это – известная философия *проб и ошибок*, в результате которых открывается правильное решение и практический путь его реализации. Именно через плюра-

лизм практики должна открыться Истина. Однако эта точка зрения, вполне допустимая и реализуемая в историческом прошлом, входит в противоречие с реалиями современности, когда все варианты включают в себя и способность человека своими решениями и действиями прекратить Жизнь на планете Земля.

Но если мы не должны идти эмпирическим путем проб и ошибок, то как мы можем подобраться к Истине?

Функция гносеологии цельного знания – это определение пути реализации *допустимой* возможности.

Но где находится критерий *допустимости*? Разве движение научного знания не реализует *все возможности*? Попытки ограничения свободы познания исторически терпели крах.

Научное знание останавливается только перед пределом знания – это *terminus a quo*. Попытки преодолеть этот предел не дают конечного результата. Но без этого результата истина всего добытого наукой знания может быть поставлена под сомнение. Что, собственно, и происходит, когда истину научного знания сводят к условным парадигмам.

Гносеология цельного знания открывает путь постижения **конечного смысла**. С этим непосредственным образом связано решение ключевой проблемы истины исходных суждений.

Информационная культура, ее «построение» не могут игнорировать проблему *истины исходных суждений*.

В зависимости от определения этой истины мы получаем разное толкование информационной культуры: или это свободное прояснение истины бытия человека, а значит, и содействие адекватной организации образа его жизни. Или это механизм **внушения**, своего рода информационный *гипноз*, создание в условиях отсутствия свободы видимости *«общего счастья»*. Это предвосхитил Федор Михайлович Достоевский в известной «Легенде о Великом инквизиторе». Великий инквизитор может быть заинтересован в сокрытии истины. Но от сокрытия истины зависит наше отношение к ответам на вопросы, возникающие в жизненных ситуациях; от этого зависит и справедливость правосудия.

Эта же проблема возникает и при оценке тех или иных *политических* действий. И здесь проблема Истины встает как проблема самой *возможности* вести дискурс именно на почве постижения истины. То есть мы имеем дело с ситуацией, когда вокруг

истины действуют различные, подчас очень **влиятельные** силы. Под воздействием этих сил система правосудия и информационная политика могут превращаться в **механизмы имитации истины**.

Имитация истины может происходить как в концептуальных формах, так и в формах искусственных реалий – симулякров.

Адекватность информационной культуры предполагает необходимость создания такой интеллектуальной среды, которая предотвращает ее превращение в собственную *противоположность*, т.е. в механизм массовой имитации истины.

Массовая имитация истины может возникать вследствие согласованной формы коллективного поведения. Если *все* ведут себя определенным образом, то значит, они знают *общую истину*. Но это может быть результат общей открытой или скрытой договоренности о коллективном поведении, утверждающем в качестве истины ее имитацию. Психологическим истоком имитации истины является *лесть*, т.е. желание угодить тому, от кого мы зависим. Это может быть носитель формы власти политической или экономической.

Как избежать искушения встать на удобный и выгодный путь лести?

Для этого нужно овладеть техникой сохранения духовного опыта истины. На эту проблему обратил внимание *Мишель Фуко*. Он считал, что субъект в себе не несет способности к истине и ему необходимо выполнить определенный набор акций с самим собой, чтобы сформировать способность истинного познания¹.

Мишель Фуко дал свою расшифровку понятия «пархезия» (Parrhesia) как основной техники, которая удерживает **духовный опыт истины**.

Этимологически пархезия означает «говорить все». Это относится не столько к содержанию истинного суждения, сколько к специфическому типу отношения *между говорящим и тем, что он говорит*. Оратор одновременно является субъектом декларации и субъектом мнения относительно сказанного. Пархезия – это техника и вместе с тем *этика*, которая озабочена отношением субъекта к истинности того, о чем он говорит.

¹ См.: Foucault, M. L'Herméneutique du Sujet. – Paris, 2001.

Пархезия – это практика высказывания истины. Она должна отличаться от риторики, которая нацелена на то, чтобы убедить человека или целое собрание и поэтому всегда *уподобляется лести*.

Пархезия же озабочена истиной, и следует ей всегда, несмотря на чувства окружающих людей. Дискурс пархезии часто является синонимом болезненного и наносящего раны провозглашения истины, которая обращена к другим людям¹.

Пархезия формирует *позицию* личности. В своей реализации она является специфическим упражнением, в котором эффекты истины формируют индивида как свободного и самостоятельного субъекта. Она формирует способность высказывать истину без гарантии безопасности, без учета того, соответствует это высказывание установленным правилам или нет. Тот, кто высказывает истину, должен сам определять правила ее утверждения, брать на себя риски и быть готовым платить за нее неопределенную цену.

Духовный опыт истины, считает Мишель Фуко, проясняет фундаментальный вопрос отношения между Свободой, Смелостью и Правдой².

Мы можем рассматривать пархезию как гносеологию информационной культуры. На самом деле, единство составляющих свободы, смелости и правды может быть отнесено к принципам формирования информационной инфраструктуры, имея, в частности, в виду функции научно-аналитической информации как базиса стратегического мышления.

Но как быть с расшифровкой сущности *предела знания – terminus a quo?*

Информационное общество объективно несет в себе традиционные духовные ориентации. Этот сложный компот ориентиров в процессе глобализации информационных связей потенциально оказывается перед всеми вообще и перед каждым в отдельности.

Традиционные религиозные и идеологические ориентации основаны на **определениях абсолютного** в качестве одной-единственной истины. В информационном обществе человек ока-

¹ См.: Macmillan A. Michel Foucault's Techniques of the Self and the Christian Politics of Obedience // Theory Culture and Society: Los Angeles, London. Vol. 28, Number 4, July 2011. – P. 9.

² Foucault M. Le Gouvernement de Soi et des autres. – Paris: Seuil, 1984. – P. 60–64.

зывается перед **выбором** абсолютного. Но как сделать **правильный** выбор, оказываясь перед **плюрализмом** представлений об абсолютном?

Философские трудности, связанные с определением природы абсолютного, породили в XX в. нарастающую волну **нигилизма**.

Критическая философия исключает Абсолют как недоказанную и недоказуемую в принципе реальность. Вместе с тем злоключения нравов ставят перед моральным сознанием вопросы: как нам быть с Абсолютом? Означает ли кризис в познании Абсолюта распад абсолютности как нравственной ориентации? Это – вопрос вопросов, вопрос возможности для человека признать для себя подлинность цивилизованности, социальности и моральности.

Нравы информационного общества устремлены к выявлению **эмпирических оснований подлинности**.

Технический прогресс, позволяющий создавать высокотехнологичные, эстетически оформленные автомашины, телевизоры, подталкивает человека к отождествлению подлинности бытия с существованием **в связи** с вещью, с окружением совершенного вещного мира. Разве этот мир комфорта не создает ощущения подлинности жизни? Это – прекрасный мир искусственных вещей, которые делают жизнь человека приятной во всех отношениях. Эта найденная истина бытия и должна стать универсальной, всеобщей.

Это представление опирается на свой *terminus a quo*, на представление о сущности мира как *материи*, лежащей в основании всех конкретных форм универсума, в том числе и мира бытовых вещей. Бытовой материализм – это массовая философия современного общества. Повседневный опыт человека также убеждает в том, что **окружающий мир состоит из материальных объектов**, имеющих определенные свойства, которые нельзя изменить произвольно. В этом их отличие от потока сознания, ощущений, которые могут не совпадать с реальными свойствами вещей, вводить в заблуждение.

Расцвет науки в XIX в. породил мощный подъем философского материализма. Философский материализм начал отвоевывать у идеализма основное пространство духовной жизни. Социальная психология изменилась настолько, что казалось вполне достаточным лишь поставить простые вопросы, такие как: существовала ли природа до человека? мыслит ли человек при помощи

мозга? – чтобы сделать очевидным крушение основных несущих конструкций идеализма.

Парадоксальным образом сам прогресс естественных наук в XX в. начал ставить вопрос за вопросом, которые ставили под сомнение, казалось бы, простые истины. Так, например, оказалось весьма затруднительным одновременно точно определить импульс и координаты элементарной частицы. Корпускулярно-волновой дуализм материи обнаруживал **очевидные ограниченности здравого смысла**. Еще больше загадок принесло открытие *кварков*. С одной стороны, кварк – это реальность, однако в свободном состоянии эта реальность не наблюдается. И как теперь понимать основной постулат материализма, согласно которому мир материален? Можем ли мы отождествить материю с чем-то конкретным, реальным, или же она есть только общее понятие и не более того? Если это так, то философский материализм столь же субъективен, в сущности, как и идеализм.

В XX в. стали накапливаться философские проблемы материализма, а вместе с этим возникли попытки концептуально выявить дилемму материализма.

Теоретическая трудность материализма очевидна. Если материя – это конкретная реальность (вода, воздух, огонь и т.д.), то тогда из этой реальности нужно вывести все многообразие мира, что представляется невозможным. Если материя – это **высший род**, то она не совпадает ни с одной конкретной реальностью, превращается в **метафизическое понятие**. Из метафизического понятия также нельзя вывести реальность мира.

Как избежать этой ловушки? Если признать, что мир в своей сущности неизменен и однообразен, то тогда его можно объявить состоящим из материи как таковой, но в этом случае *следует признать, что различия и изменения привносятся в мир нашим сознанием*. Следуя этим путем, можно дойти до признания, *что и сама материя есть продукт сознания*. Как современные ученые и философы пытаются примирить выводы науки с повседневным опытом и здравым смыслом? На самом деле очевидно, что отождествление материи с неким конечным субстратом – это результат влияния повседневного опыта. Современное утонченное научное знание, однако, свидетельствует о другом.

С точки зрения научного знания стабильность видимых вещей иллюзорна. Для субстанций этих вещей характерны *волновые движения*, электрические разряды и другие явления. Согласно Бертрану Расселу, субстанции здравого смысла не более чем логические конструкции. *Реальный мир не субстанциален*; он – не что иное, как последовательность **пространственно-временных событий, многообразное сочетание электрических разрядов в их динамике**. То есть материя в современной науке отличается от того, как она понимается здравым смыслом.

Это кажется спасением и для материи и для материализма. Здравый смысл и научные выводы здесь оказываются в разных пространствах. Пространство здравого смысла, его понятия уязвимы для критики, научное же пространство – не уязвимо. Мы *можем считать материю бесконечным изменением*. Мы судим об этом изменении с позиций определенной теории, которая кажется наиболее соответствующей нашим знаниям на сегодняшний день.

Однако за этот выход из теоретического затруднения приходится платить высокую цену. Приходится принимать позицию, сформулированную Томасом Куном, согласно которой *наука дает знание не о том, что происходит в действительности, а о том, что необходимо делать, чтобы соответствовать априорной теории или парадигме, принятой на сегодняшний день*.

Таким образом, наука судит о фактах с точки зрения определенной теории, априорно принятой. Стало быть, она попадает в разряд субъективных верований. Ее отличие от других форм субъективных верований перестает быть принципиальным.

Философия определяет либо материальное, либо идеальное в качестве **субстанции** мироздания, из которой происходит все многообразие действительности. В зависимости от характера основания мира формируются и образ истинной жизни человека, его основные ориентации.

Если субстанции как таковой нет, то на место изменения субстанции, материальной или идеальной, можно поставить простую **последовательность** происходящих событий. События не переходят одно в другое, а просто **следуют друг за другом** наподобие сигналов светофора: ни один сигнал не превращается в другой; они следуют друг за другом. Так возникает видимый парад новшеств, появляющихся в мире.

Если таким образом изменяется взгляд на мир в целом, то следует изменить и взгляд человека на самого себя, на «я». Если «я» – это не константный субстрат, а серия событий, то тогда не ясно, почему человек считает себя тем же самым? Получается, что люди просто условно называют друг друга постоянными именами. Если личность – это лишь совокупность временных событий, то ей нельзя приписать фиксированного характера.

Теоретические противоречия такого рода вполне реальны. И разрешение этих противоречий оборачивается новыми теоретическими проблемами.

Отсюда следует ввод, что в этих построениях не хватает какого-то существенного звена.

Так, для нас очевидно, что личность – это некая константа, сохраняющаяся от рождения до смерти. Однако мы знаем, что материальный субстрат личности постоянно обновляется: с точки зрения материальной новорожденный младенец и он же в зрелом возрасте – это не одно и то же. Меняется и его сознание, поток его мыслей. Однако сохраняется его **информационная константа** при всех ее модификациях. Идентичность личности мы можем всегда установить хотя бы по ее генетическому коду.

С этой точки зрения возможен взгляд на мир, который выходит за пределы однолинейного материализма или идеализма.

В мире мы обнаруживаем «странные» явления, соединяющие в себе несоединимое. Такой реальностью, например, является **слово**: оно и материально и идеально.

Всем известна **магия слова**. Но не всякого слова как простого звука, а слова, несущего смысл. Слово не чистая материя, но и не чистая форма, а явление, влияющее на направленность **поведения** человека, а через него на формирование материи как материала. Слово в этом смысле играет роль **информационного кода**. Как таковое оно обладает эмпирической реальностью, конкретностью. И в то же время оно имеет в себе общее родовое начало. Это – не метафизическое понятие, а реальность.

В мире существуют реальности, которые упорядочивают определенным образом окружающий их хаотический материал. Через эти реальности мы и постигаем парадоксальную сущность мира. Как сказал философ и поэт:

*Осуществилось в нем ясно
Чего постичь не мог никто:
Несогласимое согласно,
С грядущим прошлое слито,
Совместно творчество с покоем,
С невозмутимостью любовь,
И возникают вечным строем
Ее создания вновь и вновь¹.*

Не здесь ли находится философский ключ к постижению цивилизационной реальности?

Подлинность цивилизационной реальности в ее объективном выражении – это **момент коммуникации имеющих самосознание субъектов**. Именно в такой коммуникации возникает абсолютное как осознанная реальность. И это – самая редкая и самая драгоценная реальность.

Человек открывает подлинность каким-то особым способом, особым чувством, непосредственным переживанием. Открытая подлинность осмысливается *post festum*, после того, как она возникла. **Это – видение всего себя в ином**. Это – погоня за самим собой, находящемся в ином. Человек знает абсолютность через свое непосредственное переживание. Но оно остается скрытым процессом, скрытым от самого человека, своего рода **эзотерической тайной**.

Сущность этой тайны – механизм самоотождествления, соединения различного в единое **новое образование**. Мы можем говорить о возвращении смысла через разгадку тайны абсолютного. Поскольку переживание абсолютного – это внутренний, закрытый процесс, то его анализ можно назвать **эзотерическим**. И поскольку результаты анализа не могут быть представлены как эмпирически и логически безусловно доказанные **для всех**, т.е. универсально значимые, то их можно охарактеризовать как **гипотетические**. Таким образом, мы имеем дело с возвращением смысла через посредство **гипотетического эзотеризма**.

¹ См.: Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва. Второе издание. Том первый – (1873–1877). СПб., 1911. – С. 352.

Тайна абсолютного, которое является индивидам в качестве их непосредственного переживания, может толковаться как некое информационное послание. На самом деле, абсолютное – это не физиологический процесс, но это и не рациональная, логически обоснованная идея. Это нечто иное: знание, данное непосредственным образом. Но оно не возникает из ничто. Откуда же оно возникает? Можно допустить, что в каждом человеке заложена информация, которая корреспондирует с определенной реальностью жизни таким образом, что в этом взаимодействии открывается абсолютное.

Это может служить основанием еще одной гипотезы, согласно которой существует информационное основание мира, связь с которым открывает человеку путь к абсолютному.

С этих позиций возможен новый взгляд на философскую концепцию «ноосферы», которую развивали В.И. Вернадский и Тейяр де Шарден. Они исходили из гипотезы концентрации сознания как предпосылки возникновения человека и новой геологической эпохи, связанной с возникновением сверхличности на основе консолидации личностных сознаний.

В этом контексте представляется весьма симптоматичной концепция Глобального Мозга.

Возможность возникновения Глобального Мозга связывается с результатом быстро растущих во всем мире компьютерных сетей, таких как Интернет. **Под Глобальным Мозгом понимается самоорганизующаяся система производства информации, в которой коллективная деятельность индивидов и моделей, работающих в системе, создает более высокий уровень производства информации по сравнению с возможностями, доступными отдельным индивидам¹.**

Проводя аналогию с биологическим мозгом, исследователи полагают, что Глобальный Мозг становится реальностью, когда он приближается к сети, объединяющей через коммуникационные связи **примерно десять миллиардов автономных единиц. Это соответствует количеству нервных клеток головного мозга. Поскольку население земли достигает 7 млрд. человек, то мож-**

¹ См.: Mayer-Kress G. and Barczys C. The Global Brain as an Emergent Structure from the Worldwide Computing Network, and Its Implications for Modeling // The Information Society. An International Journal. Vol. 11, Number 1, 1995. Taylor and Francis.

но сказать, что необходимый уровень организации будет скоро достигнут. Глобальный Мозг с этой точки зрения есть сеть взаимосвязанных человеческих существ и компьютеров, обеспечивающая высокий уровень производства информации.

Локальные (институциональные) и глобальные информационные связи, клеточные объединения, региональная специализация для выполнения различных функций, использование разных способов производства и передачи информации, синхронизация видов информации для восприятия комплексных объектов, ассоциативные связи, и даже воображение, позволяющее не только моделировать явления, но и создавать новые реальности – **все это свидетельствует о наличии определенной аналогии Глобального Мозга с мозгом биологическим**. Соответственно ожидается, что Глобальный Мозг проявит тенденции эволюции, сходные с эволюцией биологического мозга ко все более и более высоким уровням информационных возможностей. При этом отмечается, что взаимосвязанные **информационные структуры Соединенных Штатов и Европы потенциально образуют два полушария Глобального Мозга**.

Всекие аналогии, конечно, рискованны и, видимо, аналогия Глобального Мозга с мозгом биологическим также содержит в себе возможность неадекватных заключений. Особенно трудно дать позитивный ответ на такой, например, вопрос, могут ли возникнуть реальные формы глобального самосознания или сознания, подобно тому как возникает самосознание и сознание в системах, мозг которых достиг определенного уровня сложности?

Если мы отождествляем Глобальный Мозг с **информационной сетью** или **информационными сетями**, то получаем растущий объем информации, но не получаем нового знания о целях цивилизации, доступных все более широким массам. Мы не получаем и **глобального самосознания, которое могло бы стать стержнем новой универсальной культуры, создающей предпосылки соединения различных цивилизаций в определенную мировую духовную общность**. Необходимо дать ответ на вопрос: глобальный мозг снабжает готовой информацией или же он способен делать *Открытия*, формировать новые ценности, новые духовные ориентации?

Если человек просто перекладывает функции творческого мышления на Глобальный Мозг, то возникает угроза прекращения творческой эволюции цивилизации. Цивилизация попадает в ловушку «вечного повторения». Вечное движение на одном и том же месте – это варианты финальной стадии истории.

Исторический материализм лежал в основе предсказания о неизбежности коммунистической *финальной* стадии мировой истории. Рыночная концепция лежит в основе представления о *конце* истории как всемирной либеральной демократии.

И в том и в другом случае отклонение человека и человечества от пути, ведущего к конечной цели, рассматривается как отклонение от **нормы**, как **ненормальность**. Критерий нормы – это человек, знающий тайну конечной цели исторического бытия. В соответствии с этой нормой можно формировать и соответствующую информационную иерархию. Поведение человека в этом случае определяется этой иерархией и разительно отличается от поведения человека, не признающего эту иерархию.

Коль скоро раскрытие тайны конечной цели истории оборачивается иллюзией, то резко меняются и информационные ориентации. Человек оказывается перед многообразием внешних целей как объективностей, возникающих здесь и теперь. Если Глобальный Мозг не способен решать проблемы выработки и освоения универсальных правил жизни, то тогда встает вопрос: имеются ли вообще исходные предпосылки правильной их постановки? Это – ключевые вопросы, перед которыми стоит сегодня гуманитарное знание. От их решения будет во многом зависеть формирование направлений практического решения глобальных проблем политики, экономики и культуры.

Молодые ученые, включаясь в анализ сложных проблем гуманитарного знания и давая их творческое решение, могут активно влиять на судьбу не только своего поколения, но и на правильное понимание механизмов предотвращения тех угроз, перед которыми оказывается современное человечество.